



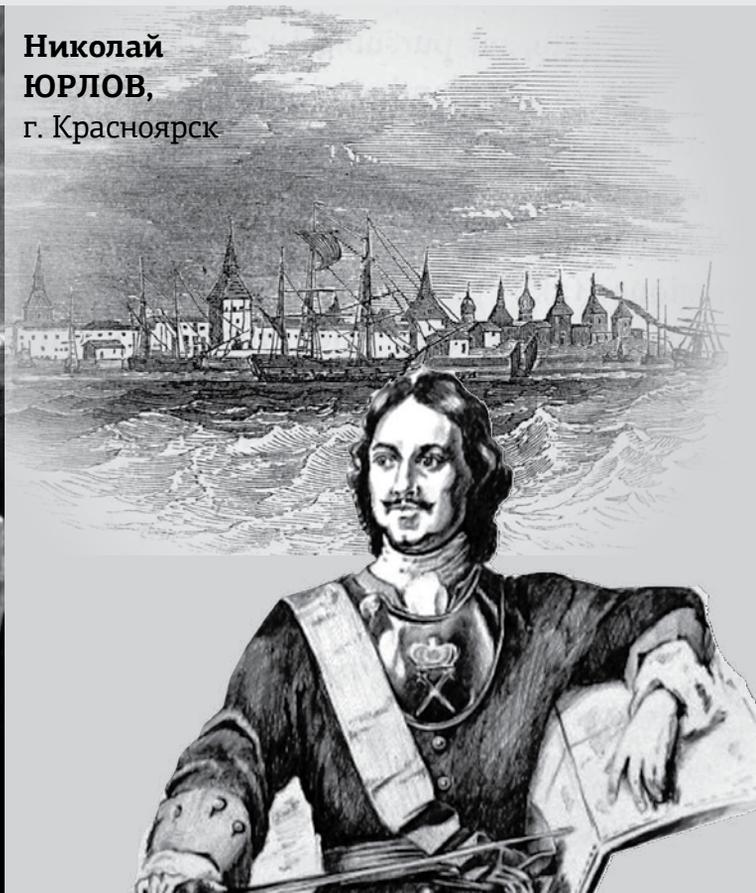
# КАК СЕВЕР СЛЮДОЙ ОКОРМЛЯЛ

(История древнего  
русского промысла)

**Зимний возок царя Петра. — «В ту гавань заходили корабли...» — Слюда становится стратегической. — Либерализация экономики от царя-малолетки. — Вменить воеводам в обязанность... — Росписи окон, сделанные живописцем Иваном Салтановым. — А не броди без фонаря по ночам! — Когда минералу равных нет. — Раскольники в роли контрабандистов? — Поиск «правильных и неправильных слюдяных поясов».**

Старый игровой фильм, экранизация исторического романа Алексея Толстого «Пётр Первый», начинается с полной конфузии русских войск под Нарвой и убегающего от шведских пушек двухместного возка, где сидит вместе с Меншиковым, закутавшись в шубу, удручённый правитель Всея Руси. Камера крупным планом показывает нам, насколько стремительно исчезает в белоснежных

**Николай  
ЮРЛОВ,**  
г. Красноярск



просторах простенький на вид транспорт на полозьях — даже свои люди вряд ли догадаются, что он уносит от позора самого царя...

Зимний возок с разноцветными слюдяными окнами — не самое комфортное, но предпочитаемое Петром Великим средство передвижения по бескрайним далям Отечества сегодня можно увидеть в Государственном историческом музее в столице нашей Родины. И что может быть более наглядным доказательством значимости слюды в истории Государства Российского, как не этот зимний возок? По одной из возможных версий, именно он, деревянный транспорт на полозьях, непосредственно связан с путешествием молодого царя Петра Алексеевича в Архангельск — единственный город-порт в Московской Руси, установивший морское сообщение с заграницей ещё в XVI веке.

А тогда, в период своего пребывания в Архангельске в 1693 году, августейший «мореплаватель

и плотник» заложил на его верфи первый торговый корабль «Святой апостол Павел», чтобы перехватить наконец-то коммерческую инициативу у английских и голландских negociантов.

\* \* \*

Уже следующей весной, когда судно спускали со стапелей, царь не только своими глазами увидел Белое море, выйдя в открытые воды, но и поразился количеству иноземных кораблей. Их в гавани Северной Двины скопилось около полусотни, и все они привезли в Московию ходовой товар: серебро, оружие, инструменты, сукно, галантерею и многое другое. Порожняком на обратном пути иностранцы не плыли, они доставляли в Европу соль и смолу, хлеб и корабельный лес, пушнину и речной жемчуг. Но особой статьёй дохода от экспорта традиционно была слюда. Только в 1655 году англичане вывезли морем двести пятьдесят пудов листовой слюды по цене двенадцать рублей за пуд.

Похоже, продешевили местные перекупщики: «московское стекло», как называли европейцы белую слюду, стоило в разы дороже. Вот почему не только иноземцы, а ещё и русские купцы отправляли её на внешние рынки, двигаясь в морской простор на лодьях и кочах — первых вёсельных парусниках, которые по скорости передвижения даже превосходили зарубежные морские суда, были манёвренными и выдерживали плавание в суровых арктических широтах, сопряжённое с огромным риском для жизни. Правда, эти торговые экспедиции отправлялись из Архангельска бессистемно, почему и не были замечены юным Петром, который запретил поморам дальнейшее строительство малых судов класса «река — море». Насколько ошибочным оказалось решение правителя, затормозившего на многие десятилетия продвижение наших людей в Арктику, — это уже другой вопрос. Сámого «западного» русского царя прельстила Балтика, куда он стремился выйти любой ценой. Но «прорубив окно в Европу», царь явно недооценил значение северных географических открытий, сделанных ещё при его отце Алексее Михайловиче, для расширения державных границ. Совершили их, кстати, именно на тех быстроходных судах, которые яростный противник «посконных» национальных традиций считал примитивными!

\* \* \*

И всё же визит в архангельский морской порт царя Петра Алексеевича стал судьбоносным для развития слюдяного промысла. Именно при этом монархе был создан специальный общероссийский орган — приказ Рудокопных (Рудных) дел, установивший единое руководство горнорудными и горнозаводскими промыслами. Прямое управление самим приказом поручили образованнейшему человеку своего времени — царскому окольничему Алексею Лихачёву, а с упразднением этой структуры чиновники, теперь уже служившие в Рудной канцелярии, переехали из старой Москвы в новую столицу — Санкт-Петербург.

Воеводы, которые имели в своих землях «подлинные слудные места», несли персональную ответственность за скорейшую организацию разработок «слюды доброй» и дальнейшее выявление новых перспективных месторождений. Кроме того, начальникам областей вменялось в обязанность, как это ни покажется для нас странным, ещё и развитие торговых операций по реализации «московского стекла», что свидетельствовало об очень сильном вмешательстве государства в экономику. Пётр Великий был одним из тех российских правителей, кто, в отличие от нынешних менеджеров, не очень-то верил в миф о невидимой руке рынка, способной стать единственным регулятором товарно-денежных отношений. Государь хорошо понимал, что промысловых людей нужно материально заинтересовать, и за открытие «доброй слюды» полагалось царёво жалованье, что стимулировало поиск и разведку слюдоносных мест.

Ещё в отроческом возрасте будущий император с замиранием сердца смотрел на слюдяные оконницы, которые расписал в его хоромах даровитый русский живописец Иван Салтанов. Те диковинные узоры были видны только изнутри, а снаружи, с надворья, они ничем себя не выдавали. Не знал Пётр Алексеевич: таким свойством обладали большие слюдяные листы, которые имели волнистую поверхность, что создавало эффект невидимки. Пластинки слюды подбирались тщательным образом, одна к одной, с тем именно расчётом, чтобы из них можно было скомпоновать диковинную фигуру, а сами оконные мозаики представляли собой настоящие произведения декоративно-прикладного искусства. Снаружи такое оконце украшалось ещё

и наличниками и весело «глядело светлым оком во всё строении».

\* \* \*

Слюда для оконниц — это лучшая слюда, которую исстари добывали только на северо-западном побережье Белого моря. Именно здесь, в районе реки Керети, были разведаны и разрабатывались самые крупные месторождения этого прозрачного бело-жёлтого минерала. В не меньшем количестве он шёл на изготовление слюдяных фонарей, которые постоянно использовались в повседневной жизни русских городов, а в Москве — так особенно. Жителям древней столицы вообще запрещалось разгуливать по ночным улицам без фонаря, и тех, кто нарушал сие требование, могли принять либо за воров, либо за лазутчиков. С подобными «тёмными» особами предпочитали не церемониться — сразу доставляли в Стрелецкий приказ, где им учиняли тщательный розыск, а потом следовало наказание.

Более того, слюдяные фонари светили по ночам также и на башнях крепостных стен многих русских городов: сфера применения чудесного слоистого камня, казалось, была определена на долгие-долгие годы...

Но уже при царе-реформаторе он в больших количествах требовался для иллюминаторов на морских судах и для изготовления корабельных фонарей разного назначения: сигнальных, стенных, потайных. В отличие от хрупкого и не столь жаростойкого стекла, только слюда могла выдержать и удары морской волны, и высокий температурный режим при горении восковых свечей, а также шквалистый ветер Борей. Не боялась она и мощных сотрясений воздуха от стрельбы корабельных орудий: стекло в таких случаях разлетится мгновенно, а слюда выдержит любое морское сражение, и если суждено кораблю затонуть, вместе с ним на дно и уйдёт...

\* \* \*

Слюда при Петре Великом вообще рассматривалась как стратегический материал, который имел первостепенное значение для развития морского дела. Историки отмечают, что партии первосортной листовой слюды, уложенные в плетёные кораба

и опечатанные как самый драгоценный груз, свозили на Адмиралтейский двор в Санкт-Петербург в сопровождении специальных посыльных.

Уже вскоре после своего третьего путешествия в Архангельск, когда Пётр лично инспектировал строительство Новодвинской крепости, последовал царский указ, в соответствии с которым добыча слюды строго контролировалась государством. Всякие тайные разработки, которые крестьяне Кемской и Керетской волостей могли вести в глухой тайге (и вели, конечно, слишком уж велик был соблазн нелегальной добычи), карались смертной казнью. А торговых людей, занимавшихся куплей-продажей «воровской слюды», теперь ссылали на вечную каторгу в Сибирь. Действовал этот закон на протяжении двух десятков лет, вплоть до кончины первого русского императора, но уже при его внуке, Петре Втором, началась либерализация экономики. Высочайшим императорским повелением объявлялась полная свобода слюдяного промысла. Малолетний сын казнённого царевича Алексея Петровича, разумеется, не был самостоятельной политической фигурой, скорее всего, этот законодательный акт «продал» регент той поры Александр Меншиков, который являлся владельцем слюдяных ломок в Керетской волости.

\* \* \*

Соловецкий монастырь, получивший от царя Михаила Фёдоровича монопольное право на разведку и добычу слюды, на некоторое время лишился своих прежних доходов от экспорта минерала, имея их постоянно на протяжении многих десятилетий. Прибыль от «продажной слюды» была весьма велика, что позволяло крупнейшей обители государства содержать на эти средства ратных людей в небольших укрепленных пунктах, так называемых «острожках», а также приобретать лодьи, кочи и дощаники для морской торговли. Даже одна из древних монастырских башен именовалась Слюдной: именно сюда после окончания работ свозился добытый минерал, а на площади перед ней шёл торг. В некоторых случаях он носил заочный характер, когда настоятелю монастыря удавалось сторговаться на выезде, даже не в архангельском порту, где могли быть «дозорщики», а в Вологде. И зачастую речь шла о незаконной торговле — уже не в пользу обители, но в качестве личной наживы,

как это практиковалось архимандритом Варфоломеем. На пастыря, известного неумеренным пристрастием к веселию и винопитию, братия писала доносы, уличая его в греховных делах, которые подрывали не только экономику северного монастыря, но ещё и наносили прямой ущерб державе. Ведь в случае мошеннического сбыта добытой слюды казна лишалась положенной десятины — отчисления от торговли десятой доли денежных средств.

Абсолютно не факт, что слюда в листах и кусках шла за границу исключительно морем, поскольку через северные волости проходил сухопутный торговый путь из Поморья в Швецию. (Скандинавы были, безусловно, осведомлены о тех местах, в которых ломщики добывали слюду. Достаточно вспомнить сцену из экранизации комедийной пьесы Булгакова «Иван Васильевич», где «свейский» посол просит у самозваного царя Кемску волость.)

Купеческие караваны могли везти как листовую слюду, так и колотый минерал — уже и за границей начали появляться мастера слюдяных дел, которые знали, как технологически грамотно следует расщеплять сырец на пластины нужных размеров и пускать их в дело. Но всё-таки Европа узнала русскую слюду много позже английского стекла. И если бы не моряк-предприниматель Ричард Ченслер, который высадился в Поморье в 1553 году и даже был принят самим царём Иваном Грозным, а потом доставил образцы слюды высшего качества в Лондон, вряд ли бы экспортный товар из Московии так быстро нашёл дорогу на запад. Это уже потом иностранные дипломаты начали строчить секретные донесения об особых качествах «пластинок горной породы»:

«У русских нет английского стекла, и они делают свои окна из пластинок горной породы — слюды. Русская слюда смеётся над английским стеклом. И, право, никакое другое стекло не даёт лучшего света, чем русская слюда. И, конечно, этот камень ничего не стоит, расход на его добычу очень небольшой».

Такое впечатление, как будто таинственный поверенный в делах своего государства лично присутствовал в «слудных горах» Поморья при добыче прозрачного минерала, рассматривая «слюдяные рудокопки» с точки зрения бывалого предпринимателя-негоцианта. На самом деле, конечно, оценка трудозатрат здесь была явно за-

ниженной, поскольку процесс получения слюды сильно растягивался по времени — как правило, с осени до весны. Помимо того, что залежи слюды требовалось сначала обнаружить, а сделать это среди нехоженных мест, тайги и болот не каждому искателю удавалось (как уж счастье улыбнётся), — требовалось ещё и организовать грамотный «пожиг» жильных мест, чтобы и самим при этом не пострадать, вовремя ноги унести. Огонь уничтожал в лесу всё живое, и это был, разумеется, варварский способ добычи, но ничего другого крестьяне Керети, приписанные к Соловецкому монастырю, на первых порах предложить не могли. Сначала жгли лесистый участок скалы, а потом усиленно поливали его водой, ожидая появления нужных трещин в горных массивах. Теперь оставалось только зайти сюда с рабочими инструментами. Как пользоваться ими, учиться особо не надо: молот, лом, долото, пешня, свёрло, а также клевцы (молоток со специальным клювом для точечных ударов) — это и были нехитрые «железные слюдяные снасти».

Со времён Средневековья эти орудия мало изменились: среди археологических артефактов, обнаруженных в культурных слоях Великого Новгорода, найдены «пачки кусков слюды», которые учёные относят даже к XII веку. Но ведь их как-то нужно было добыть, только с помощью инструментов! Исконным местом слюдяных ломок и «рудокопок» оставались окрестности двух таёжных рек — Кеми и Керети. Все эти земли были вотчиной Новгородской республики, Кемская волость принадлежала вначале небезызвестной Марфе Борецкой, а в середине XV века посадница пожертвовала её Соловецкому монастырю.

На землях Кемской и Керетской волости получали как обычную слюду (флогопит), аналогичную той, что встречалась на европейских месторождениях, так и «московское стекло». За этим слоистым камнем и закрепилось за границей название «мусковит», оставшееся навсегда. Небольшими пластинами мусковита признанные мастера ваяния и зодчества украшали в храмах статуи девы Марии, отсюда его нередко называли ещё и «стеклом девы Марии».

\* \* \*

Русская слюда пользовалась европейской славой, и многие иностранцы, побывавшие на по-

бережье Белого моря, строили даже планы, как сделать Московию северо-восточной провинцией Священной Римской империи. Ведь такие здесь богатейшие природные кладовые! Лихой немецкий авантюрист Генрих фон Штаден адресовал свои «Записки о Московии» германскому королю Рудольфу Второму, где конкретно указывал, что население незащищённого посада Кереть кормится «от стекла, которое добывается из земли» и на русском языке именуется «слюда». Можно снаряжать многочисленные корабли, отряды десанта и воевать — с такими «задними» мыслями жаловали к нам заморские гости, многие из которых рядились под маской безобидных коммивояжеров и торговых маклеров.

\* \* \*

«Вывозная торговля» прозрачным камнем для его добытчиков никогда не являлась самоцелью, на внутреннем рынке русская слюда расходилась в ещё бóльших количествах. Вплоть до середины XVIII века она ценилась у нас столь высоко, что её легко обменивали на рожь в следующих пропорциях: «полторы чети слюды за триста пятьдесят четей ржи». (Четь, или четверть, равнялась двум центнерам, и получалось, что три центнера слюды можно было обменять на семьдесят тонн ржи.) Правда, государство не приветствовало такой натуральный обмен ещё со времён царя Алексея Михайловича: особая правительственная грамота запрещала подобные действия на внутреннем рынке, чтобы «цену на слюду тем не портили». А в Петровскую эпоху вообще был наложен запрет на продажу слюды частным лицам, но разве можно «окончательно и бесповоротно» победить такую торговлю?

Этому в значительной мере способствовало и географическое расположение, близость мест добычи высококачественной слюды непосредственно к побережью Белого моря: иностранным судам можно было спокойно миновать архангельскую таможню, причалив к какой-нибудь малой пристани, и спокойно договариваться с русскими купцами о взаимовыгодных сделках.

Впрочем, была ещё одна точка на карте, точнее — даже несколько точек, где происходил тайный торг слюдой, — Соловецкие острова. Здесь, как известно, располагался не только мо-

настырь, по сути своей — настоящая крепость, но ещё и находились разбросанные по морю раскольничьи поселения, куда приверженцы прежних «двух перстов» смогли уйти от преследования царских властей. Сирийский монах Павел Алеппинский, побывавший на Русском Севере с христианской миссией в середине XVII века, даже описал слюдяной рудник на одном из небольших островов архипелага. По словам миссионера, это «огромная яма, которая наполняется водой». Ещё до наступления первых морозов староверы вычерпывали оттуда всю жидкость, выкладывая там большие поленницы и разводили огонь, поддерживая его на протяжении двух недель. Затем слюдяные разработки открывали для последующего охлаждения, длившегося на протяжении нескольких дней.

Как видим, технология добычи слюды здесь также оставалась довольно примитивной — впрочем, раскольникам сложно было рассчитывать на подземный способ, который требовал соответствующего технического оснащения и особенно строгих правил крепления проходки для безопасности производства. А вот договориться с иностранцами о контрабандном сбыте листовой слюды с этих открытых островных копий люди, по гроб обиженные на власть, вполне могли. Такой версии, в частности, придерживался советский исследователь Эдуард Либман, создавший цикл прекрасных научно-популярных очерков об истории слюдяного промысла в России.

Только не будем делать из наших предков откровенных лохов, коих можно было без труда обвести вокруг пальца. Контрабанда, естественно, пресекалась, об этом можно судить по историческому роману Юрия Германа «Россия молодая» и его последующей экранизации. Поручик Афанасий Крынов — настоящий образец бескомпромиссного и честного таможенника, для которого беззаветная служба Отечеству превыше всего. И нет никаких сомнений, что те лазейки по мошенническому сбыту слюды, которые на каком-то отрезке времени существовали, царёвыми людьми всё-таки перекрывались, о чём свидетельствует «Географический лексикон Российского государства», изданный Фёдором Полуниним в 1773 году:

«На Соловецком острове слюду ломают весьма чистую и великую, употребляемую на фонари для корабельного строения».

Уже ближе к концу XVIII века, когда слюдяной промысел, пережив свой пик, начал затухать, поскольку на внутреннем рынке появилось стекло собственного производства, именно моряки возродили многие слюдяные разработки, оказавшиеся практически заброшенными. Под началом конторы Главного командира Архангельского порта морские офицеры вели поиск «правильных и неправильных слюдяных поясов» листового мусковита на протяжении двадцати лет, добыв за это время на побережье Белого моря свыше пятисот пудов. Конечно, это было совсем немного, если учесть, что в период создания русского флота монастырские крестьяне Керетской волости ежегодно добывали по тысяче пудов листовой слюды. Вся волость с посадками в Керети, Чупе и Чёрной Речке насчитывала не более шестисот душ, и можно представить тот колоссальный подневольный труд, который взвалили на свои плечи ломщики коренных пород — «тягловые крестьяне» и «бобыли».

И всё же, несмотря на очевидный упадок древнего промысла, ломка мусковита в малых объёмах на Русском Севере продолжалась очень долго. Как отмечали путешественники, в окна домов местных жителей даже в начале прошлого столетия были

вставлены «небольшие куски слюды, связанные нитками», а у более состоятельных поморов куски были крупнее и скреплялись китовым усом.

\* \* \*

Прежние, годами наработанные месторождения прозрачного камня точно ждали своего часа, чтобы с приходом электричества в повседневную жизнь русского человека вновь громко заявить о себе. Во всём мире этот минерал стал широко использоваться в электротехнической промышленности как диэлектрик, пока уже в наши дни не нашёл себе замену из искусственных материалов.

Но промысловые страницы в летописи Русского Севера на этом, конечно, не закончились, поскольку он по-прежнему богат полезными ископаемыми, а теперь уже и шельф Северного Ледовитого океана, как прежде ломки с «московским стеклом», становится точкой притяжения многих государств, мечтающих пополнить казну за счёт природной ренты, а заодно и удовлетворить геополитические амбиции. В том, что история точно ждёт всё новых повторений, мы теперь и на собственном опыте плохо убедились.

### **Николай Алексеевич ЮРЛОВ —**

*красноярский литератор и публицист,  
выпускник факультета журналистики*

*Уральского государственного университета  
им. А. М. Горького, работал в областных и краевых  
изданиях Самарканда, Томска, Красноярска,*

*а также собственным корреспондентом газеты  
«Гудок». Автор многих книг, в том числе*

*«110 лет неизвестности», «Зеркало антиквара».*

*Победитель профессиональных конкурсов  
«Журналистская Россия», «Сибирь — территория  
надежд», лауреат «Российского писателя»*

*за 2016 год в номинации «Критика».*

*Член Союза писателей России.*

